

ЛИЧНОСТНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ В ПЕРЕЖИВАНИИ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Е.Е. Стефанский
Самара, Россия

Summary: The article investigates the problem of personal and collective in emotional concepts. Russian linguistic personality feels many emotions as collective, while Polish and Czech ones as personal.

Чешский писатель Милан Кундера в эссе 1984 года «Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы» рассматривает восприятие России и русской судьбы польским писателем Казимежем Брандысом: «Казимеж Брандыс рассказывает поучительную историю о том, как один польский писатель встретил великую русскую поэтессу Анну Ахматову и стал жаловаться ей на свое тяжелое положение (его запретили печатать). Ахматова прервала его: “Вам грозит арест?”. – Поляк ответил отрицательно. – “Вас выгоняют из Союза?” – “Нет”. “Тогда о чем идет речь?” – искренне удивилась Ахматова. Брандыс комментирует: “Таково утешение по-русски. По сравнению с русской судьбой ничто не должно казаться страшным. Происходит, однако, иначе. Русская судьба не вписана в наше сознание, она является для нас чем-то чужим, мы не чувствуем себя родственными ей или ответственными за нее. Она довлеет над нами, но не является нашим наследием. Я всегда это чувствовал в русской литературе. Я боялся ее. По сей день я боюсь некоторых рассказов Гоголя и всего Салтыкова-Щедрина. Я предпочел бы не знать их мира, не знать, что он существует”».

Объясняя такой образ России в сознании польского писателя, Кундера пишет: «Брандыс не отвергает искусства Гоголя, но его пугает мир, который это искусство вызывает: он очаровывает и притягивает нас, когда находится далеко, и отталкивает всей своей страшной чуждостью, когда окружает нас вблизи; у него другие (бóльшие) размеры несчастья, другой образ пространства (такого огромного, что в нем исчезают целые народы), другой (медленный и терпеливый) ритм времени, другой способ смеяться, жить и умирать» [Kundera: www].

Думается, что подобное восприятие России польским и чешским писателями лишь в некоторой степени обусловлено «исторической памятью» и тем влиянием, которое оказала в XX веке Россия на судьбы их стран. Во многом этот образ России в ментальности писателей, позиционирующих свою принадлежность к культуре Запада, оказывается отголоском древнейшей оппозиции *хаос – космос*, которая в современном сознании трансформировалась в противопоставление *Востока и Запада*.

Многими лингвистами, историками и культурологами был сделан вывод о приоритете индивидуума в культуре Запада и коллектива – в русской культуре [см., например, Тер-Минасова 2000, Вежбицкая 1996].

Польская культура, по мнению исследователей, является с этой точки зрения также западной. Так, в статье А.В.Липатова «Государственная система и национальная ментальность (Русско-польская альтернатива)» исследуется влияние особенностей государственной власти в России и Польше на национальный менталитет русских и поляков. По мысли автора, русский менталитет во многом определила вера в эффективность самодержавия, основанная на беспрекословном подчинении воле царя как помазанника Божьего. Отсюда исключение самостоятельного – личностного – мышления и отсутствие гражданской дееспособности у всех социальных слоев. Тогда как характерная для польской ментальности трактовка государства для личности, а не личности для государства коренится в сложившемся в XV-XVI вв. государственном устройстве под названием *Речь Посполитая* (калькировавшим в польский язык лат. *res publica*). Суть этого устройства – в утрате королем, избиравшимся на трон представителями локальных шляхетских сеймиков, суверенной власти; в равноправии всего правящего сословия – от короля до безземельного шляхтича, создававшим атмосферу сословного братства. Именно поэтому, по словам А.В.Липатова, «государство как “общественное дело” (*res publica*) осознавалось в качестве института, призванного служить шляхте – сообществу индивидуумов, обладающих равными правами, – а тем самым и каждому члену этого общества в отдельности» [Липатов 2003: 85].

Аналогичные мысли высказывает и В.А.Маслова: «Польский характер – это прежде личная свобода, собственное достоинство, государство для личности, личная независимость, патриотизм. В сравнении с ними русским присущ мистический реализм и духовная трезвость, ибо поляки значительно романтичнее. *Русак не дурак: поесть захочет – скажет, присесть захочет – сядет*». Характеризуя особенности русского характера, исследовательница отмечает, что важным моментом в поведении русских является стремление «быть как все». По ее мнению, это связано с представлением о том, что «личность важна не сама по себе (как у европейцев), а является частью целого общества» [Маслова 2007: 133, 145-146].

Думается, что эти ментальные особенности – игнорирование личностного мышления (у русских) и приоритет личности (у поляков) – можно рассматривать в качестве одной из ключевых идей, повлиявших на эмоциональную картину мира в соответствующих лингвокультурах. Для польской и чешской лингвокультур, как лингвокультур западных, принадлежащих к группе *Slavia Latina*, характерна доминанта личностного начала в проявлении таких негативных эмоций, как страх, гнев, печаль, тоска и др. Тогда как русской лингвокультуре свойствен приоритет коллективного начала, которое и определяет особенности проявления данных эмоций.

Так, выражение иррационального **страха** в **русском** языке грамматическими средствами (формой мн.ч. *страхи*) концептуализирует на грамматическом уровне представления об этом виде страха как результате вселения в душу человека злых духов (*страхов*). В результате в русской лин-

гвокультуре иррациональный страх воспринимается как болезнь, выходящая за рамки нормального поведения. Одновременно в русской языковой картине мира больший удельный вес имеет страх перед социумом, выступающий как регулятор социальных отношений.

Напротив, *польскому* и *чешскому* языку свойственны большая употребительность и более богатый репертуар языковых средств со значением иррационального страха (см. польск. *lęk, przestach, przerażenie*; чешск. *úzkost, úlek*). Одновременно в польской и чешской лингвокультурах более важным оказывается страх перед необъяснимыми, потусторонними явлениями. Именно на этом индивидуалистическом страхе зачастую концентрируется личность, оставляя на периферии социальные страхи [см. подробнее: Стефанский 2008: 20-66].

С этими различиями в проявлениях страха коррелируют особенности выражения эмоции **гнева**. В *русской* картине мира гнев, как и страх, оказывается средством регулирования социальных отношений: многие виды гнева имеют однозначно положительную ценностную характеристику (см. *праведный гнев, ярость благородная*). Параллельно для русской ментальности характерна положительная оценка различных проявлений авторитаризма, а также в определенных ситуациях и таких речевых практик, как мат. Различные формы агрессии (в том числе и с использованием обценной лексики) в русской лингвокультуре позволяют поднять (по крайней мере, ситуативно) собственный социальный или психологический статус.

В *польской* и *чешской* картинах мира все конкретно-чувственные проявления гнева воспринимаются как аналог психического расстройства (см. польск. *wściekłość, szal, pasja, furia*, чешск. *zuřivost*, которые могут использоваться как для обозначения гнева, так и для описания психической болезни), а в польской лингвокультуре ни одна из эмоций гнева вообще не получает однозначно положительной характеристики. Одновременно в данных лингвокультурах гнев воспринимается как унижение личности [см. подробнее: Стефанский 2008: 108-151].

Во всех трех сравниваемых лингвокультурах сформировалось представление о **позоре** как способе наказания взбунтовавшейся личности. Однако в *русской* картине мира *позор* (< *зреть*), т.е. публичное осуждение взбунтовавшейся личности путем всеобщего обозрения, воспринимается как ее понуждение к смирению и урегулированию своих отношений с коллективом. В *польской* и *чешской* картинах мира позор – это изгнание личности из общества (польск. *hańba*, чешск. *hanba* ‘позор’ < *ganiti ‘гнать’).

В *русской* лингвокультуре эмоция *печали*, выражающая **уныние в связи со смертью близкого человека**, до сих пор воспринимается как эмоция в значительной степени коллективная (ср. невозможность использования лексемы *печаль* в дативных конструкциях типа *Мне печально). В *польской* и *чешской* лингвокультурах возникающие в аналогичных ситуациях эмоции *smutek* и *žal / žal* воспринимаются как более личностные, интимные или отчасти демонстративные.

Эмоция **тоски** в *русской* языковой картине мира на первый взгляд кажется очень личностной: причины, ее вызывающие, могут быть любыми,

формы, в которых она может проявляться, – весьма многообразными (от депрессии и тихого запойного пьянства до бурных агрессивных проявлений). Между тем весьма примечательно, что тоска другого человека воспринимается окружающими как нечто извинительное даже в тех случаях, когда внешние проявления этой тоски грозят им серьезными неудобствами. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда общество в русской лингвокультуре относится к личности с пониманием и чуткостью. Следовательно, тоска в известной степени не разрывает, а, наоборот, укрепляет межличностные связи. С другой стороны, сама тоска на самом деле не столько личностное, сколько социальное чувство (это, в частности, отличает *тоску* от *грусти*). В самом деле, тоска по умершему или отсутствующему человеку – это стремление восстановить утраченные социальные связи. Безобъектная тоска (*Мне тоскливо*) на самом деле вызвана тем или иным разрывом с обществом (потерей работы, неудовлетворенностью карьерой, проблемами в семье, отсутствием цели в жизни). Даже в тех случаях, когда тоска вызвана потерей вещи (семейной реликвии, фотографии, подарка), в конечном счете, это тоже тоска по людям, с которыми человек был связан через эту вещь.

На этом фоне в **чешской** языковой картине мира тоска предстает как более личностное чувство. Это проявляется в многообразии лексических средств, обозначающих тоску (см. чешск. *stesk, tíseň, tesknota, touha*), каждое из которых акцентирует внимание на том или ином аспекте переживания данной эмоции, а также в специфической синтагматике глагола *stýskat se*, который является безличным, употребляется только в дативных конструкциях (типа *Stýska se mi po tobě*), маркирующих спонтанность наступления тоски.

Польская тоска на фоне русской и чешской лингвокультур занимает промежуточное положение. В отличие от чешского языка эмоция тоски передается в польском языке лишь одной лексемой *tesknota*. Однако более личностный характер тоски в польской лингвокультуре, в отличие от русской, проявляется в том, что польск. *tesknota* может сопровождаться различными видами направленной на себя агрессии, которая позволяет избавиться от тоски [см. подробнее: Стефанский 2008: 67-107; Агранович, Стефанский 2003: 59-87].

Обида в **русской** языковой картине мира двунаправлена: это и внутреннее переживание, и гневная апелляция к обидчику. Таким образом, русская языковая личность, пережив обиду, так или иначе нацелена на переоценку своих отношений в обществе. В **польской** и **чешской** языковых картинах мира эта эмоция «прорисована» очень тщательно. Обе лингвокультуры стремятся акцентировать различные аспекты обиды в соответствующих лексических парадигмах (см. польск. *uraza, obraza, krzywda, žal, pretensja*; чешск. *urážka, křivda*). При этом в чешской лингвокультуре акцент делается именно на том личностном ущербе, которое нанесла человеку обида. Польская лингвокультура занимает промежуточное положение, сближаясь с чешской переживанием личностного ущерба, несправедливости и жалости к себе, а с русской – агрессивной реакцией на обиду, выражаемой лексемой *pretensja*.

В сценарии **ревности** (< *rъva ‘гнев’) в **русской** языковой картине мира на первый план выходит гнев, который, выступая в качестве регулятора социальных отношений, гипотетически позволяет отомстить «разлучнику» и восстановить связи с объектом ревности. Для **чешской** языковой картины мира главное в ревности (чешск. *žárlivost* < *žar ‘жар’) – страсть, сопровождаемая страданием, а для **польской**, где лексемой *zazdrość* обозначается синкретическое, нерасчлененное чувство зависти-ревности, – зависть. Таким образом, русская эмоция ревности направлена на восстановление социальных связей, а аналогичные эмоции в польской и чешской лингвокультурах замыкаются на личностных переживаниях.

В **чешской** лингвокультуре сформировался и вербализовался лингвоспецифичный концепт «**LITOST**», обозначающий жалость к себе вследствие несправедливости, обиды или зависти и мгновенную агрессивную реакцию, направленную на источник данной эмоции или вообще на постороннее лицо. Хотя в польской и русской лингвокультурах данный концепт не вербализовался, он может существовать в русской и польской ментальности в виде культурного сценария. Типичный сценарий снятия *литости* – прямая или провокативная агрессия. Однако в русской лингвокультуре выработался еще один сценарий. **Русский** путь избавления от *литости* заключается не в том, чтобы сделать другого человека таким же несчастным, а в том, чтобы сострадать тому, кто так же или еще более несчастен. Таким образом, русская *литость* направлена не столько на то, чтобы самоутвердиться, сколько на гармонизацию отношений с обществом [см. подробнее: Стефанский 2008: 152-192].

ЛИТЕРАТУРА

- Агранович, Стефанский 2003 – Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике): Монография. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2003.
- Вежбицкая 1996 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Липатов 2003 – Липатов А.В. Государственная система и национальная ментальность (Русско-польская альтернатива) // *Dusza polska i rosyjska: spojrzenie współczesne / Pod red. A. de Lazari i Romana Bäckera*. Łódź: Ibidem, 2003.
- Маслова 2007 – Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: Монография. М.: Гнозис, 2007.
- Стефанский 2008 – Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): Монография. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008.
- Тер-Минасова 2000 – Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000.

Kundera: www – *Kundera M. Zachód porwany albo tragedia Europy Środkowej*. [Электронный ресурс]. http://www.milankundera.webpark.pl/wariacje/zachod_porwany.htm